

Людмила Константиновна Нефедова

Омский государственный педагогический университет, доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии, Омск, Россия
e-mail: konstans50@yandex.ru

Художественная рефлексия и типология границы между детством и взрослостью

Аннотация. Обращение к рефлексии философских смыслов границы на рубеже детства и взрослости, представленных в художественной литературе, обусловлено пониманием литературы как неспецифической формы философствования, обретенной ею в процессе своего исторического становления. Апеллируя к образу как к инструменту познания, литература в конкретно-чувственной форме, а также в понятиях, суждениях и умозаклучениях конструирует философское понимание многообразия антропологических смыслов, выражая при этом ценностное отношение к ним. Чувственные аспекты образа возрастной границы актуализируют эстетические чувства, рациональные аспекты, заложенные в средствах моделировки образов границы, ведут к формированию понятий, суждений и умозаклучений о ее сущности. В выявлении философских смыслов границы особое значение имеет авторская стилистическая специфика языка художественной литературы. Герменевтические сложности в определенной мере находят разрешение в результате комплексного применения лингвофилософского анализа к положениям философии художественного творчества, данным онтологии и гносеологии. Методология исследования, представленная в настоящей статье и ряде иных работ автора, находится в развитии, что предполагает дальнейшее осмысление исторического, социального, культурного аспектов репрезентаций философских идей в художественной литературе.

Ключевые слова: возрастная граница, философская антропология, образ, художественная литература, методология, типология.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках междисциплинарной научной лаборатории «Философия образования и философия в образовании» Омского государственного педагогического университета. Автор благодарит участников лаборатории за интерес к философско-антропологическим аспектам проблемы детства и ребенка и их обсуждению в аспектах онтологии, этики и конфликтологии.

Lyudmila K. Nefedova

Omsk State Pedagogical University, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophy, Omsk, Russia
e-mail: konstans50@yandex.ru

Artistic Reflection and Typology of the Boundary Between Childhood and Adulthood

Abstract. Appeal to the reflection of philosophical meanings of the boundary between childhood and adulthood presented in fiction is conditioned by the understanding of literature as a non-specific form of philosophising, which it has acquired in the process of its historical formation. Appealing to the image as a tool of cognition, literature in a specifically sensual form, as well as in concepts, judgements and inferences constructs a philosophical understanding of the diversity of anthropological meanings, while expressing a value attitude to them. Sensual aspects of the image of the age boundary actualise aesthetic feelings, rational aspects, embedded in the means of modelling the images of the boundary, lead to the formation of concepts, judgments and inferences about its essence. In revealing the philosophical meanings of the boundary, the author's stylistic specificity of the language of fiction is of particular importance. Hermeneutical difficulties to a certain extent find a resolution as a result of the complex application of linguophilosophical analysis, to the provisions of the philosophy of artistic creation, ontological and gnoseological data. The research methodology presented in this article and a number of other works of the author is in development, which implies further comprehension of historical, social, cultural aspects of representations of philosophical ideas in fiction.

Keywords: age limit, philosophical anthropology, image, fiction, methodology, typology.

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the interdisciplinary scientific laboratory "Philosophy of Education and Philosophy in Education" of Omsk State Pedagogical University. The author thanks the laboratory participants for their interest in the philosophical and anthropological aspects of the problem of childhood and the child and their discussion in the aspects of ontology, ethics and conflictology.

Введение (Introduction)

Проблема границы между детством и взрослостью при всей эмпирической тривиальности носит вневременной характер и является актуальной в осмыслении форм бытия природы, человека, социума и культуры, поскольку фиксирует состояние акме человека — вершину его психофизического статуса и начало закрепления его социокультурной субъектности. Будучи значимой в социокультурном становлении человека, граница между детством и взрослостью часто становилась предметом художественного осмысления в разных видах искусства. Ее визуальная специфика представлена в изобразительном искусстве, аудиальная — в музыке, а синтетически образно-рациональная — в художественной литературе, часто выступающей в качестве неспецифической формы философствования. Философско-антропологическое осмысление аспектов границы между детством и взрослостью в литературно-художественном творчестве уже являлось предметом исследования автора настоящей статьи [1, с. 14–15], но возможность приращения понимания смыслов антропологической возрастной границы на материале художественной литературы еще далеко не исчерпана. В связи с этим целью статьи явилось дальнейшее раскрытие и уточнение в литературных репрезентациях смыслов возрастной границы.

Методы (Methods)

Рефлексия литературно-художественных репрезентаций включает опору на методологию взаимодействия образного и понятийного начал в литературно-художественном познании, что отражено в эстетической позиции Гегеля, полагавшего литературу «особенным искусством, в котором одновременно начинает разлагаться само искусство и в котором оно обретает для философского познания точку перехода к религиозным представлениям как таковым, а также к прозе научного мышления» [2, с. 351]. Действительно, располагая арсеналом языка, будучи искусством слова, литература во многом тождественна иным словесным формам культурного текста — научным, политическим, религиозным, юридическим — и более всех искусств приближается к философии. В связи с этим данное осмысление конкретных литературно-художественных репрезентаций антропологической границы между детством и взрослостью опиралось на методологический синтез чувственного и рационального, образного и понятийного оснований. Примеры такого синтеза имеют место в самих литературных произведениях: в суждениях авторов, моделировке образов персонажей, в их экзистенциальном выборе, в картинах жизненных ситуаций, т. е. литература «схватывает и изображает всякое содержание» [2, с. 347].

Методология антропологических смыслов границы между детством и взрослостью включила также авторские исследования онтологической семантики художественных образов возрастной границы, имеющей не только внешние социально-исторические, психофизические формы проявления, но и духовные тонкие проявления, подчас угадываемые в подтексте литературных произведений [3, с. 130].

Литературный обзор (Literature Review)

Адекватность методологии философского осмысления предполагает как обращение к суммарной репрезентативно-

сти темы границы между детством и взрослостью, так и раскрытие интеллектуально-чувственной специфики природы художественного образа данной границы в литературном произведении.

Специфика конструирования литературного образа как инструмента познания — тема вполне самостоятельного масштабного исследования. Укажем лишь некоторые опорные вехи. Категория мимезиса у Платона [4, с. 170–171] и Аристотеля [4, с. 706, 709, 717]; понятие образа-смысла, «внутреннего эйдоса» у Плотина [5, с. 77, 78]; эстетическая ценность поэзии в познании И. Канта [6, с. 219, 221]; идея искусства как созерцания истины в образах у В. Г. Белинского [7, с. 67–83]. Наиболее актуальным полагаем раскрытие эстетической специфики литературы, ее философичности Г. В. Ф. Гегелем, который считал ее менее всего искусством в ряду других искусств [2, с. 351]. Во второй половине XX в. теория художественного образа (в том числе и в литературе) рассматривалась в контексте эстетики структурализма и постмодернизма, «застревая» [8, с. 20] тем не менее на положениях Гегеля. Обращение к литературному образу в XXI в. во взаимосвязи его литературоведческого и лингвистического видения дает новый импульс развитию теории литературного образа через актуализацию «словесной пластики», «субъективной реакции», «сферы психологии и мысли» [8, с. 22]. «Посредством слова можно обозначить все, что находится в кругозоре человека. При помощи слова литературой осваивается умпостижаемая целостность предметов и явлений. Слово является конвенциональным знаком, т. е. оно не похоже на предмет, им обозначаемый. Словесные картины являются не вещественными, через них автор обращается к воображению читателя» [8, с. 20–21].

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Действительно, будучи искусством слова, оперируя образом, литература максимально реализует его гносеологический потенциал через способность образа быть в корреляте с жанровой формой, через его композиционную функцию и его ведущую роль в моделировании хронотопа, а также через раскрытие смыслов текста, подтекста, надтекста в их трансуровневом единстве. Будучи пластичным инструментом познания, образ в литературе имеет мегаформы, представляя суммарные картины племен, народов, этносов; выстраивая панорамы исторических эпох, диалектику исторического процесса, вплоть до предельного мегаобраза — антропосоциокультурогенеза. Образные мегаформы являются прекрасным средством фиксации тех или иных идей в художественной литературе, реализуя ее способность быть особой формой философствования.

Мегаобразы границы между детством и взрослостью представлены в мировой литературе, в том числе и детской, в истории учебной книги, апеллирующей к взрослению, нацеленной на социализацию и инкультурацию ребенка. Литературный персонаж на границе детства и взрослости является своеобразным маркером литературного процесса: в каждую историческую эпоху он сочетает архетипическую абстракцию с целым рядом социокультурных и индивидуально-психологических параметров. Так, Просвещение

фиксирует имя собственное или прозвище (Кандид, Том Джонс, Простодушный). Типы персонажей XIX в. фиксируют реалистический мизераблизм («Без семьи», «Отверженные», «Униженные и оскорбленные», «Неточка Незванова», «Домби и сын»), а XX в. обращается к поколенческим генерациям, широко известным под названиями: «потерянное поколение», «дети войны», «дети разных народов», выводя символический метаряд, включающий образы «звездного мальчика», «маленького принца», «дитя слова», «повелителя мух» и т. д.

Литературный образ не ограничен интенцией к мега- и метаформам, но имеет интенцию и к локальной завершенности: портрет, пейзаж, натюрморт, интерьер, речевые характеристики (монолог, диалог, полилог) — это все не только средства моделировки более объемных образов, но и вполне самостоятельные образные формы, сближающие литературу с изобразительным искусством, музыкой, театром, кино, дизайном. В лингвистическом материале литературного образа находит объективацию экзистенциальность и автора, и персонажей. Литературный образ и в мега-, и в метаформах включает символ и знак, опирается на чувственные даты, закрепленные в нашей чувственной сфере, апеллирует к памяти, воссоздающему воображению, мышлению, эмоциям, речи. Складывающийся образ проживается реципиентом и раскрывает в той или иной степени ему свои смыслы, фиксируемые в речевой форме.

Лингвистический текст, являясь материалом литературного образа, располагает всем арсеналом языковых и речевых смыслов, изобразительно-выразительных средств, включая систему тропов, ритм, мелодику, рифму, иные проявления интонации (звукоподражание, выдуманные языки, игру лексическими группами). Все это определяет конкретно-чувственную форму литературного образа, вызывая различные ассоциативные реакции восприятия: интеллектуалистические размышления, эстетическую эмоцию, синестезию.

Постижение образа, как и процесс формирования понятия, во многом определяется чувственной сферой: ощущением, восприятием, представлением, при этом восприятие образа — это, прежде всего, его переживание. Образ проживается читателем в процессе его восприятия-вмещения в интеллектуально-чувственные сферы реципиента, выходя на ступень представления, которое пронизывает рациональные сферы понятия, суждения, умозаключения, сопрягает с ними иррациональное, чувственное, субъективное, интуитивное, неожиданное и непредсказуемое — все, что возникает в процессе коммуникации автора с читателем.

При этом литература не остается исключительно в сфере образного отражения действительности, но так же, как философия и наука, непосредственно оперирует понятием, суждением, умозаключением, становясь бесценной эмпирической базой для философа, историка, этнографа, психолога, социолога, ученого-естественника. Свою лепту в социально-гуманитарный дискурс вносят и образы антропологической границы между детством и взрослостью, апеллируя как к сфере чувственного и эмоционального восприятия, так и к рациональному пониманию, имеющему выражение в понятии, суждении, умозаключении, подкреп-

ленных частным научным знанием в сферах педагогики, психологии, историографии, этнографии.

Язык литературы, являясь особой семиотической системой, располагает образными средствами, способствующими как рациональному пониманию непосредственно феномена возрастной границы, так и раскрытию существенных характеристик граничного субъекта. Рациональность языка, возможность по необходимости свести развернутую языковую форму к минимальной смысловой форме звука, слова, графемы отличают язык литературы от семиотических систем изобразительных и музыкальных видов искусства. Это позволило выявить ряд типологий антропологической границы между детством и взрослостью.

Рамки статьи позволяют представить две типологии. В основе первой — граничный индивид; в основе второй — рефлексивность (экзистенциальность) самой границы.

В основании первой типологии лежит существенная характеристика индивида, обозначающая качественный результат преодоления им границы между детством и взрослостью. Она включает четыре обретаемых им качества: субъектность, саморефлексию, этико-эстетическую парадигму личности, трансцендирование. Рассмотрим их.

Субъектность индивида, в ее развитии и становлении, формируется в контексте социально-исторических обстоятельств и природных психофизических задатков ребенка. Литература раскрывает общее и особенное пробуждение начала субъектности персонажей семейных хроник и художественных автобиографий в творчестве Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, И. А. Бунина. Примером является взросление братьев Карамазовых в, казалось бы, одинаковых условиях их развития и становления, приводящее к разному качеству субъектности: к разгулу (Дмитрий), интеллектуалистической бесовщине (Иван), к аскезе (Алеша). Особое место преступника занимает непризнанный сын — Смердяков.

Саморефлексия переживаемого субъектом экзистенциала границы представлена в лирике. Шутливый *Mon portrait* взрослеющего лицеиста-повесы и профиль поколения юных русских аристократов в лицейской лирике А. С. Пушкина — фиксация возрастной индивидуальной и групповой идентичности. Саморефлексия здесь — это, прежде всего, самоидентификация в социокультурном контексте: персонаж осознает себя на границе с будущим, своим и своих сверстников, сравнивает себя с ними, открывает в себе новые желания и стремления, отчасти соотносит их со своими возможностями. Саморефлексия и самоидентификация есть в лирических отступлениях, в драматических монологах; отчетливо выражена в жанре исповеди у Августина, Руссо, Толстого и в исповедальных образных формах (М. Ю. Лермонтов «Мцыри», Ф. М. Достоевский «Подросток»), а также в письмах, дневниковых записях.

Этико-аксиологическая парадигма личности граничного субъекта эксплицирована в «Подростке» Ф. М. Достоевского, в автобиографической трилогии Л. Н. Толстого, в «Жизни Арсеньева» И. А. Бунина и т. д. Граничный субъект проживает период развертывания смыслов: обстоятельств, в которые он попадает; своего поведения в этих обстоятельствах, своего отношения к обстоятельствам и к себе самому, что ведет к выработке системы ценностей и взрослению.

Трансцендирование — сущностная характеристика человека — результат синтеза субъектности, саморефлексии, этико-аксиологической парадигмы личности. Результат синтеза — целостность этико-эстетической сферы, что становится основанием способности трансцендирования как важнейшей сущностной антропологической характеристики человека. Подросток не просто «входит в разум», но обретает подлинную человечность. Взросление как развитие ума, таланта, как воспитание чувств, как стремление укорениться в социуме, стать сильным — все это является предметом исследования в западной литературе в произведениях В. Гюго, Г. Флобера, Ч. Диккенса, Д. Лондона и др. Однако, на наш взгляд, убедительного коррелята психофизического развития граничного субъекта и формирования способности трансцендирования как сущностной характеристики человека западная культура не представила. Осмысляя начала человеческой свободы, фиксируя категорию «трансцендентного субъекта» [9, с. 676, 694], западная философия и литература XIX–XX вв. не обнаружили в полной мере качества трансцендирования в переходе от детства к взрослости. Об этом говорят и метафоры в названиях произведений: «Утраченные иллюзии» персонажей О. де Бальзака, не оправдавшие себя «Большие надежды» персонажей Ч. Диккенса, асоциальный подросток — «Осквернитель праха» У. Фолкнера.

К выявлению трансцендентности граничного субъекта подошла русская литература с ее открытием духовности внутреннего мира детства, его диалектики, готовности к братскому состоянию. В экзистенциалистском изображении ребенка на границе детства и взрослости в русской литературе было предвосхищение рационального взгляда на дуальность архетипической заброшенности и непреодолимости «Божественного ребенка», феноменология которого представлена в западной психоаналитике в XX в. [10, с. 365].

Подлинность трансцендирования граничного субъекта в лице Николеньки Иртеньева уловил Л. Н. Толстой, после чего привычно повторяемая вслед за Н. Г. Чернышевским цитата «диалектика души и чистота нравственного чувства» стала почти тривиальной в русской культуре. За ее общеизвестностью кроется, однако, еще не вполне осознанное открытие русского писателя: ребенок на границе взросления обретает не просто субъектность, но трансцендентность. Тем самым русская литература раскрыла не только актуальное, но и потенциальное в ребенке, не только заброшенность настоящего, но и непреодолимость будущего — в отличие от западных писателей, дотошно раскрывающих актуальный мизераблизм ребенка как основу взросления.

Рефлексивность самой границы как особого темпомира положена нами в основу второй типологии границы между детством и взрослостью. Темпомир границы — всегда факт события в пространстве и времени, проживаемый субъектом границы с разным уровнем саморефлексии, а следовательно, и с разной рефлексивностью самой границы. Здесь нами выделены три аспекта темпомира: внешняя событийность с минимальной саморефлексией, внешняя событийность с саморефлексией, внутренний субъектный темпомир.

Темпомир возрастной границы может сводиться к внешне событийному ряду с минимальной саморефлексией граничного субъекта. При этом событийно-фактологические образы возрастной границы характеризуются тем, что граница определяется событиями-вехами, за которыми закреплен какой-либо граничный статус: окончание учебного заведения, брак, отъезд, первая любовь, принятие взрослой меры ответственности за что-либо. Как правило, пространственно-временной масштаб событий остается без изменений, по сравнению с остальным событийным рядом, и также не включается в опыт саморефлексии персонажей. Так, цепочку фактов представляет граница взросления героев романа И. А. Гончарова «Обломов»: потасовки со сверстниками, пропуски уроков, отъезд из дома, университет, выбор будущего поприща. Все вехи фиксируют пространственно-временные точки континуума границы в ее объективном для стороннего наблюдателя существовании без саморефлексии граничного субъекта. К слову сказать, это опыт европейского просветительского романа, прежде всего английского (Г. Филдинг, Т. Д. Смоллетт).

События границы имплицитно указывают до краткого указания на его факт, что является проявлением повествовательной традиции в эпосе, восходя к мифу, сказу, агиографии. При этом, несмотря на развернутые причинно-следственные цепочки, драматические перипетии, граница рутинизируется, отождествляясь с не-границей. Данный вариант темпомира границы имеет место в житийно-хроникальных жанрах, проникая через их воздействие в литературу XIX в. (Н. Лесков, Г. Флобер) и в экзистенциальную прозу XX в. (М. Пруст, Ж.-П. Сартр, У. Фолкнер, А. Мердок).

Так, пребывая в поисках утраченного времени, фиксируя в памяти эпизоды прошлого, персонаж М. Пруста не улавливает в своем переживании чувство рубежной грани. Для него равнозначимы память ощущений и эмоций: вкус, зрение, осязание и этическое переживание. Герой представлен через собственную рефлекссию изнутри, автобиографически, когда качество событийного равновесия рубежа словно зафиксировано сторонним наблюдателем. Глубоко в подсознании героев А. Мердок («Алое и зеленое», «Дитя слова», «Черный принц») скрыто осознание сгущения и разреженности границы между детством и взрослостью. Границу можно угадать только благодаря готовности читателя к узнаванию и истолкованию смыслов контекстов. Постмодернистский читатель без авторских экспликаций сам должен понимать, что девушка на пороге взрослости, переживая первую любовь к 56-летнему человеку, находится в особом психофизическом состоянии. Возрастную границу переступают юноши, готовые умереть за свободу Ирландии, и агрессивный талантливый подросток из рабочей среды. Это — факты, за которыми скрыты драмы и трагедии, однако их переживание дано отстраненно, как событийно ровный поток. Драмы и трагедии не определены текстом, а требуют угадывания в подтексте.

Событийное равновесие в художественной рефлексии возрастной границы отчасти объясняется творческими традициями. Возможно, в литературном образе следует дифференцировать онтологию и философскую антропологию границы с тем, чтобы уловить ее образ как результат

отражения-познания ее феноменального бытия и сокрытой сущности: с материально очевидным и духовно тайным. При этом взгляд на возрастную границу как на событийный объект осмысления является убедительно безупречным, поскольку событийность — объективная матрица перехода любой границы. Однако в объективности события подчас растворяется непосредственное бытие самого человека.

В рефлексивно-событийном темпомире возрастной границы вехи-символы событий коррелируют с переживаниями граничного субъекта. Бурно переходит границу пушкинский Гринев: жалеет матушку, разочаровывается в месте службы, стыдится морального падения после карточной игры, при всем том барски инфантильно капризничает с Савельичем. Герой переживает порыв к взрослости и осознанное стремление показать, что он уже не ребенок. Таковы и другие граничные персонажи Пушкина: Маша («Метель»), Лиза Муромцева («Барышня-крестьянка»), Наталья («Арап Петра Великого»). Рефлексивно-событийная граница актуализирует субъектность, смену стратегий поведения, ответственность за выбор. Большую роль здесь играет любовь, то придавая силы и решимость для вступления во взрослость, то фиксируя противоречия в диалектике границы. Так, юная героиня И. С. Тургенева («Ася») «как испуганный ребенок порывисто отворачивается от неизвестного будущего, которое является ей в образе нового чувства, и с детским доверием, с громким плачем и в то же время с недетской страстностью кидается назад, к своему милому прошедшему, а между тем будущее манит к себе, и не от нас зависит остановить течение жизни» [11].

Событийно-рефлексивная граница актуализирует взаимопроникновение прошлого и будущего, чувство конечности жизни и веры в будущее, способность любить. Она обнажает ценностные смыслы, драматизм экзистенциального выбора, острое переживание свободы и необходимости. Эта граница вырывает индивида из привычного бытия и наглядно качественно меняет его в направлении к взрослости. Нивелируется инфантильность, но остается детскость как внутреннее ядро развития духовного потенциала личности.

Рефлексивная граница — 3-й тип границы между детством и взрослостью, характеризуемый расширенным внутренним субъектным темпомиром по отношению к миру в целом. Социальные аспекты при этом трансформируются в протяженность экзистенциальных состояний граничного субъекта. Примером данного варианта границы является участие Пети Ростова в боевых действиях в отряде Дени-

сова и его смерть. Темпомир данной границы чрезвычайно насыщен событиями с момента решения пойти в действующую армию до момента гибели, включая домашнюю жизнь, встречу с царем в Кремле, сбор ополчения, военные действия в различных точках. Все вехи границы обусловлены состояниями тела и духа героя: внутренними мотивами, эмоциями, намерениями, потребностями, размышлениями. Глубоко осознанно, творчески проживается каждая веха. Герой Толстого не просто углубляется в себя, как это свойственно героям Достоевского, но созидает себя заново в переключке индивидуального и всеобщего потоков жизни, музыку которых он слышит, вступая с ними в музыкальный диалог. Музыка, звучащая в душе Пети в ночь перед гибелью, — это метафизический образ границы — трансцендирование граничного субъекта.

Заключение (Conclusion)

Подводя итог, отметим ряд моментов. В граничном темпомире героя представлен объективированный поток времени с четким позиционированием настоящего, тягучестью прошлого и зовом будущего. Темпомир границы моделирует внутреннее пространство субъекта как круг воспоминаний прошедшего со светлой точкой настоящего внутри — это модель расширения и сужения, осознаваемого героем существования. В границе между детством и взрослостью представлена диалектика внутренней жизни субъекта и ее осознание: Я героя позиционировано в комплексном потоке собственного развития, в коммуникации с открывающимся ему миром.

Образы возрастной границы между детством и взрослостью раскрывают Я-субъекта в состоянии смятения, беспокойства, нестабильности, противоречий и душевных трансформаций. На границе закрепляется качественный и количественный состав Я-субъекта. Граничный индивид остро осознает свои интенции любви (как приятия бытия), отвращения (как неприятия каких-либо аспектов бытия), жажду совершенства.

Рассмотренные типологии образов границы между детством и взрослостью выведены на основе осмысления ее репрезентаций в русской и западной литературе XVII–XX вв. и коррелируют с развернутыми философскими репрезентациями в трудах Н. А. Бердяева [12] и В. В. Зеньковского [13], с этнографическими заметками М. Мид [14], историческими исследованиями Ф. Арьеса [15], психоаналитикой З. Фрейда и К. Г. Юнга, находя подтверждение и развитие философского понимания в искусстве XX–XXI вв.

Библиографический список

1. Нефедова Л. К. Граничное бытие детства : моногр. Омск : Изд-во Ом. гос. пед. ун-та, 2005. 112 с.
2. Гегель Г. В. Ф. Эстетика : в 4 т. М. : Искусство, 1971. Т. 3. 621 с.
3. Ерохина А. М. Подтекст как языковое явление художественного текста: уровни подтекста // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2018. № 4 (40). С. 129–139.
4. Древняя греческая философия от Платона до Аристотеля. М. : АСТ ; Харьков : Фолио, 2003. 829 с.
5. Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М. : Мысль, 1993. 959 с.
6. Кант И. Критика способности суждения. М. : АСТ, 2020. 448 с.
7. Белинский В. Г. Собр. соч. : в 3 т. М. : Гос. изд-во худож. литературы, 1948. Т. 2. 931 с.
8. Борисова Е. Б. О содержании понятий «художественный образ» и «образность» в литературоведении и лингвистике // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2009. № 35 (173), вып. 37. С. 20–26.

-
9. Шеллинг Ф. В. Й. О сущности человеческой свободы и связанных с ней предметов // Немецкая классическая философия : в 2 т. Т. 1 : Право и свобода. М. : Эксмо-ПРЕСС ; Харьков : Фолио, 2000. С. 667–747.
 10. Юнг К. Г. Божественный ребенок : Аналитическая психология и воспитание. М. : Олимп : АСТ-ЛТД, 1997. 400 с.
 11. Тургенев И. С. Ася // Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. М. : Наука, 1980. Т. 5. Электрон. версия. URL: <https://ilibrary.ru/text/1097/index.html> (дата обращения: 18.09.2024).
 12. Бердяев Н. А. Самопознание (опыт философской автобиографии). М. : Международные отношения, 1990. 336 с.
 13. Зеньковский В. В. Психология детства. М. : Академия, 1996. 346 с.
 14. Мид М. Культура и мир детства / сост. и послесл. И. С. Кона. М. : Наука, 1988. 430 с.
 15. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. 414 с.